Автор - Клавдия Смирягина, Санкт-Петербург (Россия).

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ОКНА

Окно в ночь

К полуночи белесая луна
селедочным хвостом стучит по крыше.
Вином не запивается вина.
И лишь луна хмельные мысли слышит.
Давай, луна, помянем разговор,
который не случился не случайно.

Слова стучат в затылок до сих пор,
невысказанной вымученной тайной.
Садись, луна, за мой дощатый стол,
покрытый ею купленной клеёнкой.
Я сам бы от неё давно ушёл,
да только смех не отпускает звонкий,
обидный, до печенок самых, смех.
А вот она ушла, не испугалась.
Давай, луна, давай за них, за всех,
кому не по плечу любовь и жалость.
А вот меня, не надо, не жалей,
плыви себе по небосводу дальше.
Спасибо, что зашла, луна. Налей.
Глоток вина. Глоток вины и фальши.

Окно в рассвет

Гороховая в ранний час смурной,
как горное ущелье, молчалива.
В мансарде дремлет утомленный Ной
над «Балтикой» подвального разлива.
На скатерти с кистями – чертежи,
столетник смотрит вниз, на дно колодца.
На лбу у спящей Сонечки дрожит
кудрявой прядки краденое солнце.
Во двор не проникает свет реклам,
и свет дневной не проникает тоже.
И не похож чердак на купола,
но с чердака поближе к небу всё же.
Когда рассвет над городом встает,
молочным утром светится мансарда
и сквозь туман плывет, как утлый плот,
в покой давно приснившегося сада.
На небе, замурованном свинцом,
чадит заря, по-питерски скупая.
И мира достоевское лицо
дагерротипным снимком проступает.

Окно в весну

Зима сопротивляется отчаянно,
цепляясь за ночные холода.
Но зыбкое весеннее молчание
сменяется синичьим звонким «Да!»

Автор: Оргкомитет
30.03.2016 16:00

Кряхтят деды, одолевая лестницы,
на солнышко выходят посидеть.
И небо в их глазах бесцветных светится,
и в голосе звучит былая медь,
когда на внуков понарошку гаркают,
а те, от солнца ошалев слегка,
хватают талый снег руками жаркими,
и не умеют остывать пока.
И будет лето, и зима-печальница,
и «я» семь раз умножится на семь...
Всё хорошо, что хорошо кончается.
Поскольку не кончается совсем.